

ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ

* Ташкент. Дом у площади Карла Маркса. По лестнице меня привела в комнату-«копилку» Надежда Яковлевна Мандельштам, дымя своей вечной папирсой и шурша кожанкой, носатая, язвительная. А я смотрел на очень яркую звезду как раз над комнаткой Ахматовой. Мы вошли, и в «копилке» сразу стало тесно. Муж и жена Ганнибалы, потомки тех, пушкинских, освободили нам место и ушли. Голая лампочка на шнуре. На казенной койке, откинувшись к белой стене, — Ахматова. Повернется вправо, влево, и я люблю тенью ее профиля, такой красивой и выразительной.

В тот вечер я услышал эпизод «Поэмы без героя».

А веселое слово — дома —
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте,

кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.

Это нужно передать по радио, напечатать, чтоб узнали миллионы людей! Прошу разрешения переписать эпизод. Поразило обозначение места — Дюшамбе. Своей волей вернула — в 1942 году! — прежнее имя Сталинабаду!

* Весной 1944 года Ахматова жила в отдельной комнатке на улице Жуковской, а мы занимались у Надежды Яковлевны английским в прихожей с печкой, столом, скамьями... Ахматова все чаще выходила к нам. И вдруг исчезала, заявив в мужском роде: «Я ушел!». Или же из двери, как крыло, махала белая рука: «Я — больно!»

У нее уже не было той, ахматовской, челки. Думаю, изменив свой облик, она отделила от себя нечто важное, начала новый отсчет времени. Музы очков не носят. Я же помню Ахматову в очках. Оделась, записала стихи и бредет по двору, не замечая чадающих очагов-мангалов, но и не натыкаясь на них. Ничего не видит, даже очков, забытых на «бурбонском» носу. Шевелит губами, проговаривая вариант за вариантом. Соседки не удивляются: у беженки из Ленинграда горе или потеряла что-то?..

* Про концерт по радио: «Как будто на сорок минут был включен рай». Ахматова, как все, жадно слушала радио: новости с фронта и музыку. Песни без слов от Шуберта до Глиэра пела узбекская певица Халима Насырова.

Халимы соловьиное пенье
И библейских нарциссов
цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестит
по стране.

Вот оно, искусство, — незримое благословение, ветерком шелестящее по измученной стране:

* Ахматова читает стихи «Победителям»:

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя», —
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки,
Гришки,
Внуки, братики, сыновья!

Название «Победителям» — не дань ли казенной риторике? Но ведь победители — Алешки и Васьки, как у автора «Теркина». Прочти Ахматова эти стихи не в госпитале, а на некоем литмероприятии, не в одну бдительную голову залетело бы: «Но где же имя того, кто ведет нас от победы к победе?»

* В 1956 году Ахматова составляла первый послевоенный сборник. Мы с другом навестили ее у Шкловских. У нее был блистательный юмор.

— Перестаньте смеяться! — укоряла нас Ахматова. — Прочтите обо мне в Краткой литературной энциклопедии. Мне присущ пессимизм!

Заговорили о сборнике, о его составе. Есть ли там «Ташкент зацветает»? И я прочел:

Словно по чьему-то
повеленью,
Сразу стало в городе
светло —

Это в каждый двор по
привиденью
Белому и легкому вошло.

— Замечательно, — сказала Ахматова. — Чьи это стихи?

— Ваши, Анна Андреевна.

— Запишите их для меня, пожалуйста! — и, любясь написанным: — Царский подарок!

Мой друг тоже читает ей ее же стихи, но Ахматова и их не помнит:

Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный
путь...

В обмен на спасенное я попросил у Ахматовой хоть две строки, написанные ее рукой. Она не сочла за труд переписать для меня всю элегию «Есть три эпохи у воспоминаний». Наверное, не без намека. Кончается элегия так:

А те, с кем нам разлуку
Бог послал,
Прекрасно обошлись
без нас — и даже
Все к лучшему...

Валентин БЕРЕСТОВ.